

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.23>

СУБСТАНТИВНАЯ И ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРЫ В ИДИОСТИЛЕ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Научная статья

Лапутина Т.В.^{1,*}¹Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (laputina.tanya[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена вопросам исследования метафоры в поэтическом тексте. Целью работы является составление типологии метафоры Б. Ахмадулиной. Для достижения данной цели были отобраны и проанализированы языковые единицы, образующие метафоры. На основе методов семантического анализа, а также количественного подсчёта выявлены основные типы метафоры в идиостиле поэта. Проанализированы основные лексико-семантические группы компонентов субстантивной метафоры, а именно: генитивной метафоры, метафоры-приложения, метафоры, в которой имя существительное (местоимение) в именительном падеже является частью предикативной основы, и метафоры с творительным сравнения. Соматическая лексика, фитонимы, слова с обозначением пространства как лексико-семантические группы слов представляют компоненты субстантивной метафоры. Отмечено постоянство метафорической модели в генитивной метафоре «слово-соматизм и слово с обозначением пространства» для поэтической речи Б. Ахмадулиной. В глагольной метафоре выделены группы глаголов чувства, движения и интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: поэзия, субстантивная метафора, глагольная метафора, поэтический субъект, поэтический предикат, лексико-семантическая группа, идиостиль.

SUBSTANTIVE AND VERB METAPHORS IN B. AKHMADULINA'S IDIOSTYLE

Research article

Laputina T.V.^{1,*}¹Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (laputina.tanya[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of metaphor in the poetic text. The aim of the work is to compile a typology of B. Akhmadulina's metaphor. To achieve this objective, the linguistic units forming metaphors were selected and analysed. On the basis of the methods of semantic analysis, as well as quantitative counting, the main types of metaphor in the idiosyle of the poet have been identified. The main lexico-semantic groups of components of substantive metaphor are analysed, namely: genitive metaphor, metaphor-adjective metaphor, metaphor in which the noun (pronoun) in the nominative case is a part of the predicative base, and metaphor with ablative comparison. Somatic lexicon, phytonyms, words denoting space as lexico-semantic groups of words represent components of substantive metaphor. The constancy of the metaphorical model in the genitive metaphor "word-somatism and word with the designation of space" for B. Akhmadulina's poetic speech is noted. In verb metaphor, the groups of verbs of feeling, movement and intellectual activity are singled out.

Keywords: poetry, substantive metaphor, verb metaphor, poetic subject, poetic predicate, lexico-semantic group, idiosyle.

Введение

Составление типологии индивидуальной метафоры представляет определённую сложность из-за осмысления принципа, положенного в основу подобной классификации. Согласимся с О.Г. Ревзиной в том, что исследование метафоры обретает своё назначение лишь в соединении того, *что* и *как* метафоризируется, то есть с рассмотрением лексико-семантических групп компонентов метафоры [10, С. 8]. Данная точка зрения нашла своё отражение в предисловии к третьему тому «Словаря поэтического языка М. Цветаевой». Знаком актуализации объекта или явления в картине мира становится сам факт метафоризации в поэтической речи. Описание лексико-семантических групп слов-компонетов метафоры позволяет определить индивидуальные предпочтения того или иного поэта и исследовать особенности его поэтического языка. Те или иные авторские предпочтения в выборе языкового оформления своего понимания реальности заметны на фоне общего обзора идиолектной системы [2, С. 62].

Вслед за В.П. Москвиным, мы опираемся на формальную классификацию метафоры, нашедшей своё отражение в монографии «Русская метафора: очерк семиотической теории» [7, С. 112-120]. Представляется, что типология метафоры, учитывающая, к какой части речи принадлежат её компоненты, является наиболее объективным способом описания поэтической метафоры. Несмотря на то, что метафора возникает в сфере семантики, её языковое воплощение метафоры происходит в форме конкретных грамматических структур, схемы которых выстраиваются в определённые численно ограниченные модели. Метафора, будучи прочитанной как ошибка, с точки зрения семантики, соблюдает все правила построения конструкции, с точки зрения грамматики. Выделив ряд метафорических контекстов, представим описание субстантивной и глагольной метафоры в поэтическом языке Б. Ахмадулиной.

Основные результаты

Поэтическая речь Б. Ахмадулиной богата различными метафорами, среди которых выделим следующие: субстантивную (*Сердчишко жизни — жил да был вокзальчик. // Горбы котомок на перрон сходили. // Их ждал детей прожорливый привет. // Юродивый там обитал вязальщик. // Не бельмами — зеницами седьми // всего, что зримо, он смотрел поперх «Вокзальчик»*); глагольную (*Жить припустилось вспугнутое сердце, // жаль бедного: так бьётся кропотливо «Ночь упаданья яблок»*); адъективную (*Медопролитый крах плодов «Зима на юге»*); адвербиальную (*Работу малую висок / ещё вершит. Но пали руки/ и стайкою, наискосок / уходят запахи и звуки «Прощание»*).

Субстантивная метафора в идиостиле Б. Ахмадулиной весьма разнообразна. В исследуемом материале отобраны 85 языковых единиц, представляющих данный тип метафоры, из них 24 единицы относятся к генитивной метафоре (*Бессонного ума бессрочна гауптвахта «Так запрокинут лоб»; «Как говорит ребенок! Неужели//во мне иль в ком-то, в неживом ущелье гортани, погруженной в темноту, //была такая чистота проёма, // чтоб уместить во всей красе объёма// всезнающего слова полноту? «Слово»*). При создании генитивной метафоры важную роль играет соматическая лексика, образующая лексико-семантические группы слов как поэтического субъекта, так и поэтического предиката. Если соматическая лексика выступает в качестве поэтического субъекта, обозначая то, что метафоризируется, то часто в качестве поэтического предиката – лексика, обозначающая пространство. Как мы видим, в приведённых выше метафорах соматическая лексика (*гортань, ум*), являясь поэтическим субъектом, обозначая тело человека, названия головы и её частей, представляя художественную ценность, расширяет структуру лексического значения, сочетаясь со словами с обозначением пространства. Так, пространственная метафора *ущелье гортани*, изображающая место рождения звука речи, связанное с представлением о глубокой горной долине с отвесными неприступными склонами, раскрывает тайну рождения звука, обладающего полнотой смысла. В метафоре *гауптвахта ума* состояние поиска полноты всезнающего слова представляется местом бессрочного наказания за совершенный проступок. Соматическая лексика в идиостиле Б. Ахмадулиной входит в состав различных тропов, среди которых метафора, сравнение и перифраза [8, С. 5-6].

Отметим постоянство метафорической модели в генитивной метафоре «слово-соматизм и слово с обозначением пространства» для поэтической речи Б. Ахмадулиной, приведя поэтические контексты, подтверждающие данную мысль: *Заезжего ума пустует западня: // не дался день-злодей ловушке и облаве «Ивановские перепевки»; Я слышу ласку сдержанных камней, / ладонью взгорбья их умов читая... «Гряды камней»*. Так, способность логически мыслить представлена зримыми характеристиками приспособления для ловли, ограничивающего пространство, или небольшой возвышенности. Пространственная метафора способствует осмыслению соматической лексики через пространственные образы, важной характеристикой которых становится объём. Семантика ограниченного объёма привносит негативные коннотации наказания или опасности, как мы видим на примере структур лексических значений слов *запдня* или *гауптвахта*, включенных в создание метафоры. Как мы помним, семантика объёма становится ключевым в восприятии себя лирической героиней (*Я лишь объём, где обитает что-то, //челу малы земные имена «Ночь на 30 марта»*).

При создании генитивных метафор соматическая лексика активно выступает в роли поэтического предиката. Так, период времени, предшествующий смерти, в стихотворении «*Был вход возбранён...*» получает образное воплощение благодаря сочетаемости со словом устаревшего названия зрачка: *Зеницу предсмертья спасали и длели врачи, / насильную жизнь в безучастное тело вонзая. Судьба как ход событий, складывающийся независимо от воли человека наделена горбами, уродливыми выпуклостями на спине: И никакой поблажки и лазури: / Горбы судьбы с поклажей вечных нош. «Темнеет в полночь и светает рано...». Судьба, трагический период жизни человека осмысляются в метафорических контекстах через сопоставление с соматической лексикой. Ощущающей себя частью природного мира и благодарящей за странный удел быть его контуром, поэтессе естественно олицетворять мир природы (*О, воспой! – умоляют уста// снегопада, обрыва, куста «Немота»*).*

Нами обращено внимание на соматическую лексику как самую значительную из лексико-семантических групп в генитивной метафоре, многочисленную (выделено 17 языковых единиц из 24, представляющих генитивную метафору), однако не единственную. Весьма интересна лексико-семантическая группа, в которой поэтический предикат обозначают слова, обозначающие горные породы (*Как будто ничего вселенной / Не обещала, не должна – / в алмазик бытия бесценный / вцепилась жадная душа «Когда жалела я Бориса...»*) или вещество (*Так дымитесь отравное варево мысли. «Лишь июнь ...»*) [6, С. 85-86].

К следующему, не уступающему по своей многочисленности, типу субстантивной метафоры относим метафору – приложение: *Звук-приёмши возрос «Постоялец вникает»; Лоб-озиратель бездны, луны анахорет // пал ниц и возлежит. Ладонь – его носитель «Так запрокинут лоб»* и др. Нам представляется, что метафоры-приложения в поэтической речи Б. Ахмадулиной обладают определенной лаконичностью характеристики, наполненной семантической ёмкостью. Такая характеристика метафоры-приложения касается, прежде всего, синтаксической структуры, в которой приложение оформляется через дефис. Как результат – точность Сема «неродной, воспитанный чужими людьми» структуры лексического значения слова *приёмши* характеризует звук, неожиданно явленный миру в слове. Соматизм *лоб* в метафоре *лоб-озиратель бездны* включает сему способности осматривать, окидывая взором, благодаря чему вбирает в структуру лексического значения сему ментальности. Если, по замечанию А.В. Радионовой, в поэтической речи Б. Ахмадулиной наблюдается прямое отождествление ментальности с глазами, являющиеся материальным проявлением непосредственного бытия ментального, то выразителем ментального становится и соматизм *лоб* [9, С. 55]. Обратим внимание на употребление разных по структуре приложений. Соматизм *лоб* характеризуется не только осматривающим бездну, но и отшельником, удалившимся от мира пустынным, что связано с употреблением приложения *луны анахорет*, синтаксические отношения которого иные по сравнению с предыдущим приложением и обладают меньшей лаконичностью.

Семантическая структура фитонима *Ванька-мокрый* (*В ту комнату, где прошлою зимой / я приютила первый день весенний, / где мой царевич, оборотень мой, / цвёл Ванька-мокрый, мокрый и воспетый...* «Препирательства и примирения»), формируется с помощью метафор и включает семы, обозначающие мужскую красоту, не лишённой чародейства. Этому способствует употребление приложения *царевич* как обозначение красивого юноши, связанное ещё с народно-поэтическим восприятием, и приложения *оборотень* как обозначение человека, обращенного или способного обращаться в зверя или предмет (*где мой царевич, оборотень мой*). Отметим, что для идиостиля Б. Ахмадулиной характерно обращение к приложениям, характеризующим предметный мир, в котором человек является частью этого мира [5, С. 253-266].

Типу субстантивной метафоры менее представленной, чем два предыдущих типа, которая включает имя существительное (местоимение) в именительном падеже как часть предикативной основы, Б. Ахмадулина доверила рассказать о своём мироощущении: *Я лишь объём, где обитает что-то, / чему малы земные имена. // Сооружение из костей и пота – его угодья, а не плоть моя* «Ночь на 30 марта». Поэтическим предикатом в данной метафоре становятся слова, обозначающие качественную характеристику пространства, занимаемого физическим телом, и систему, о функциональном назначении которой свидетельствует способность к терморегуляции. Как мы видим, сема *пространство* становится значимой при создании различных субстантивных метафор. Природа и её явления находятся на вершине иерархии ценностей в поэтическом мире Б. Ахмадулиной [4, С. 30].

Завершающим типологию субстантивной метафоры является разновидность с творительным сравнения (*Диковиной японского фарфора // черёмухи подрагивает ветвь* «Здесь никогда пространство не игриво»). *Я снегурём преследовала север, // чтобы врасплох застать её канун* «Черёмуха белонощная». Лаконичность и семантическая ёмкость предопределили возможности использования данного типа метафоры для создания художественных образов черёмухи, чьи соцветия вызывают удивление, или лирической героини, подобно снегурю, отличающемуся упорством в достижении цели. Особенностью творительного сравнения при глаголах движения является значение формы движения [3, С. 49].

Рассмотрение частотных разновидностей субстантивной метафоры Б. Ахмадулиной, связанное с выделением лексико-семантические группы слов, выступающих в функции метафоры и являющихся именем существительным, даёт возможным выявление закономерностей избирательности лексики поэта.

Не менее разнообразны лексико-семантические группы слов –компонентов *глагольной метафоры* в поэтической речи Б. Ахмадулиной. В глагольной метафоре вспомогательный субъект не обозначен. Когда мы читаем строки поэта *Под утро зябнет и сучает шаль*, то вспомогательный субъект метафоры *человек* выводится из значения глаголов *зябнуть* и *сучать*. Таким образом, нами анализируются только те фрагменты стихотворных произведений Б. Ахмадулиной, в состав которых вошли конструкции с глаголом в метафорическом значении. Среди данных слов нами выделяются в порядке убывания количества словоупотреблений основные лексико-семантические группы слов, зафиксированные в поэтических текстах Б. Ахмадулиной.

Выделим лексико-семантическую группу глаголов со значением *чувства* (*Удел вещей: спешить куда-то вдаль. / Вчера, по вечер, шаль мне подарили – / Под утро зябнет и сучает шаль, / Ей невтерпёж обнять плеча другие. «Непослушание вещей»; Не ждали мы гостей, а наезжали если – / Дом лгал, что он – простак, сад начинал грустить / и делал вид, что он печётся о семействе / и надобно ему идти плодоносить* «Палец на губах»).

Вторую группу представляют глаголы *интеллектуальной деятельности* (*Стих вдумался в окно, в глушь снега и оврага, / и, видимо, забыл про чертика в уме. «Кофейный чертик»; Какой мне вымысел надышишь? / Свободная повелевать, / Что сочинишь и что напишешь / Моей рукой в мою тетрадь? «Черемуха предпоследняя»*).

Третья группа представлена глаголами движения: (*Стих падает пчелой на стебли и на ветви, / Чтобы цветочный мёд названий целовать»; Когда о купол золотой / луч разобьётся предрассветный / и лето входит в Летний сад, / каких наград, каких услад / иных просить у жизни этой? «Не добела раскалена...»*).

Обозначим и отдельные словоупотребления, к которым отнесем глаголы, обозначающие «возможность существовать, находиться» и «кормить какой-либо пищей» (*Я вышла в сад, но глушь и роскошь / живут не здесь, а в слове: «сад». / Оно красю роз возросших / Путаем слух, и нюх, и взгляд «Сад»*). Словоупотребление Б. Ахмадулиной обретает новые смыслы, а именно: слово как способность говорить основа для внешних чувств, дающих возможность воспринимать звуки, запахи и видеть.

Выделим словоупотребление *тетрадь заметила* с глаголом, обозначающим «увидеть, обнаружить кого-н.» (... *Никто не знал, лишь белая тетрадь / заметила, что я задула свечи, / зажжённые для сотворенья речи, / без них я не желаю умирать* «Однажды, покачнувшись на краю...»), а также с глаголом, обозначающим «способность направлять взгляд, чтобы увидеть кого-то» (*Подслеповатым пристальным белком / Белесый день глядит неблагосклонно. «Утро после луны»*) и с глаголом, обозначающим «способность испытывать на себе чарующую силу чего-то или кого-то» (*Когда влюбленный ум был мартом очарован, / сказала: досижу, чтоб ночи отслужить, / до утренней зари, и долгие – до черемух, / подумав: досижу, коль Бог пошлет дожить. «Черемуха»*).

Как показывает анализ строк с данным типом метафоры, слова, обозначающие поэтический субъект глагольного действия, представляют понятия, связанные с творчеством (*слово, стих*), мир растительной природы (*сад, цветок*), явления природы (*день, небосвод*), интеллектуальную деятельность (*ум*), предметный мир (*шаль, дом*).

Безусловно, вспомогательный субъект, присутствующий скрыто в данном типе метафоры, представляет человека. Однако трудно размышлять в данном случае об олицетворении, так как лирическая героиня отождествляет себя с реалиями окружающего мира. Природа, действительность и она сама являются равноправными субъектами бытия. Таким образом, предстает картина мира человеческой жизни, в которой *слово, цветок, день, дом* являются составляющими этого мира.

Заключение

Нами предпринята попытка создания типологии индивидуальной метафоры, учитывающей, к какой части речи принадлежат её компоненты. Данный тип признан нами наиболее объективным способом описания поэтической метафоры, позволяющим определить индивидуальные предпочтения и исследовать особенности поэтического языка Б. Ахмадулиной. Проанализированы лексико-семантические группы компонентов субстантивной и глагольной метафоры, среди которых выделены соматическая лексика, фитонимы, слова, обозначающие пространство, а также глаголы чувства, движения и интеллектуальной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ахмадулина Б.А. Сочинения: в 3-т / Б.А. Ахмадулина. — М.: Пан; Корона-принт, 1997. — 630 с.
2. Губанов С.А. Признаковая лексика в текстах Марины Цветаевой: общий обзор / С.А. Губанов // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 2(45). — С. 62-70.
3. Девятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте / Н.М. Девятова // Русский язык в школе. — 2008. — № 10. — С. 47-52.
4. Кинаш А.А. Пейзажная лексика в поэзии Б.А. Ахмадулиной как носитель индивидуально-авторских коннотаций / А.А. Кинаш, Г.И. Романова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2020. — № 4(40). — С. 30-37.
5. Лапутина Т.В. Метафора-приложение в идиостиле Б. Ахмадулиной / Т.В. Лапутина // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения, Москва, 03-05 марта 2018 года / Отв. ред. И. Н. Райкова. — Москва: Книгодел, 2019. — С. 253-257.
6. Лапутина Т.В. Субстантивная метафора Б. Ахмадулиной / Т.В. Лапутина // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой. — Москва: ВивидАрт, 2015. — С. 83-89.
7. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В.П. Москвин. — М.: УРСС, 2007. — 182 с.
8. Плужникова Д.М. Тропеическое окружение соматизмов в лирике Беллы Ахмадулиной / Д.М. Плужникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 27(170). — С. 5-11.
9. Радионова А.В. Поэтика и философия концепта 'зрение ↔ сознание' в русской лирике / А.В. Радионова // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 4(32). — С. 54-61.
10. Ревзина О.Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой / О.Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. / Сост. И.Б. Белякова, И.П. Оловяникова, О.Г. Ревзина. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996-2000. — Т. 3. — С. 5-30

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ahmadulina B.A. Sochinenija: v 3-t [Works: in 3 vols.] / B.A. Ahmadulina. — M.: Pan; Korona-print, 1997. — 630 p. [in Russian]
2. Gubanov S.A. Priznakovaja leksika v tekstah Mariny Cvetaevoj: obshhij obzor [Trait vocabulary in Marina Tsvetaeva's texts: a general overview] / S.A. Gubanov // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija [Language Theory and Intercultural Communication]. — 2022. — № 2(45). — P. 62-70. [in Russian]
3. Devjatova N.M. Tvoritel'nyj sravnenija: znachenie i funkcii v tekste [Ablative comparison: meaning and functions in the text] / N.M. Devjatova // Russkij jazyk v shkole [Russian language in school]. — 2008. — № 10. — P. 47-52. [in Russian]
4. Kinash A.A. Pejzazhnaja leksika v poezii B.A. Ahmadulinoj kak nositel' individual'no-avtorskih konnotacij [Landscape vocabulary in the poetry of B.A. Akhmadulina as a carrier of individual-author connotations] / A.A. Kinash, G.I. Romanova // Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Language theory. Language Education]. — 2020. — № 4(40). — P. 30-37. [in Russian]
5. Laputina T.V. Metafora-prilozhenie v idiostile B. Ahmadulinoj [Metaphor-application in the idiostyle of B. Akhmadulina] / T.V. Laputina // Tekst, kontekst, intertekst: Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii XV Vinogradovskie chtenija, Moskva, 03-05 marta 2018 goda [Text, context, intertext: Collection of scientific articles on the materials of the International Scientific Conference XV Vinogradov Readings, Moscow, 03-05 March 2018] / resp. ed. I. N. Rajkova. — Moscow: Knigodel, 2019. — P. 253-257. [in Russian]
6. Laputina T.V. Substantivnaja metafora B. Ahmadulinoj [Substantive metaphor by B. Akhmadulina] / T.V. Laputina // Filologicheskij sbornik: v chest' jubileja professora L.I. Osipovoj [Philological collection: in honour of the anniversary of Professor L.I. Osipova]. — Moscow: VividArt, 2015. — P. 83-89. [in Russian]
7. Moskvin V.P. Russkaja metafora: ocherk semioticheskoj teorii [Russian metaphor: an outline of semiotic theory] / V.P. Moskvin. — M.: URSS, 2007. — 182 p. [in Russian]

8. Pluzhnikova D.M. Tropeicheskoe okruzenie somatizmov v lirike Belly Ahmadulinoj [Tropic environment of somatisms in the lyrics of Bella Akhmadulina] / D.M. Pluzhnikova // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Belgorod State University. Series: Humanities]. — 2013. — № 27(170). — P. 5-11. [in Russian]
9. Radionova A.V. Pojetika i filosofija koncepta 'zrenie ↔ soznanie' v russoj lirike [Poetics and philosophy of the concept 'vision ↔ consciousness' in Russian lyrics] / A.V. Radionova // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Smolensk State University]. — 2015. — № 4(32). — P. 54-61. [in Russian]
10. Revzina O.G. Metafora v pojeticheskom idiolekte Mariny Cvetaevoj [Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva] / O.G. Revzina // Slovar' pojeticheskogo jazyka Mariny Cvetaevoj: V 4 t. [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: In 4 vols] / Comp. I.B. Beljakova, I.P. Olovjannikova, O.G. Revzina. — M.: Marina Tsvetaeva House-Museum, 1996-2000. — Vol. 3. — P. 5-30 [in Russian]